

Россия и Запад

Алексей Козырев

Кандидат философских наук, доцент, исполняющий обязанности декана философского факультета.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва).

Российская Федерация, 119234, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский».

E-mail: a.kozyrev@bk.ru

Аннотация. Работа представляет собой исторический обзор, рассматривающий отношения России и Запада как цивилизационных проектов начиная с призвания варягов и крещения Руси и до наших дней. Автор обозначает ключевые вехи цивилизационного выбора России, подчеркивая роль религиозного фактора, а также анализирует отношения русской культуры с западным Просвещением. Приводятся взгляды западников и славянофилов на отношения России и Запада, а также прослеживается развитие данной проблематики в проектах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева. Оценивается советский период истории России. В заключение автор приводит критику феномена западнизма, представленную в работах А. А. Зиновьева, констатирует разрыв отношений России и Запада в наши дни и выражает надежду на будущее продолжение диалога России с Западом, но уже в качестве равноправного партнера и самобытной цивилизации.

Ключевые слова: Россия, Запад, история России, славянофилы, западники, история русской мысли, цивилизационный выбор

Для цитирования: Козырев А. П. (2024). Россия и Запад // *Patria*. Т. 1. № 4. С. 9–28.

Вопрос о том, являемся ли мы самобытной цивилизацией, или наше историческое бытие можно свести лишь к сумме «влияний», как западных, так и восточных, является достаточно надуманным. У всякого ребенка есть родители, однако уже в достаточно юном возрасте он не только сын своих родителей, к которым он должен относиться с уважением и заботой, но и самостоятельная, ответственная за свои поступки личность. В еще большей степени это можно отнести к огромной стране, государственность которой, по известным нам источникам, существует уже более 1160 лет, и которая в последовательных стадиях своего становления – Киевская Русь, Московская Русь, Российская империя, Советский Союз, современная Российская Федерация – осваивала огромные просторы с различным географическим ландшафтом и часто весьма неблагоприятным климатом, цивилизовала дикие племена, отражала агрессии других государств, подчас более развитых в техническом и военном отношении, училась отстаивать свои территории и развивать отношения с миром. Учась у христианского мира («рах christiana») Запада и христианского Востока, воспринимаемая в этом учении начала греческой классической образованности (они приходили на Русь не только в творениях отцов церкви и христианских аскетов, но и в трактатах мусульманских арабских аристотеликов), она сама вместе с продвижением на Восток несла миссию духовного просвещения, создавая письменность малых народов, переводя на их язык Библию.

У истоков российской государственности стоит идея призвания варягов. «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами», – сказали славянские племена чудь, вятичи,

кривичи в 862 году таинственной варяжской Руси (Повесть временных лет..., 2012: 17). И пришли на Русь три варяжских конунга (князя) – Рюрик, Синеус и Трувор, которые стали править в Ладоге, на Белом Озере и в Изборске. «Повесть временных лет» довольно лаконично описывает это событие. Вокруг норманской теории до сих пор идут споры – среди историков прошлого были как ее сторонники (Г. Ф. Миллер, А. Ф. Шлецер, С. М. Соловьев), так и противники (М. В. Ломоносов, В. К. Тредьяковский, Н. И. Костомаров). Споры эти всегда носили идеологический характер, потому что и сторонники, и противники находили свои аргументы, и были связаны с политической ситуацией, но трудно отрицать, что следы варяжского присутствия многочисленны, да и само название Русь у нас, скорее всего, от варягов. Имена Ольга, Олег, Игорь – скандинавские по своему происхождению, также от скандинавов остались в нашем языке слова «якорь», «стяг», «кнут» и даже «ябедник». Но это не означает, что варяги пришли к диким, необразованным племенам. Начала государственности у древних славян уже могли существовать. Княгиня Ольга, бабка киевского князя Владимира, тоже вероятно имела варяжское происхождение, ее родители, жившие под Псковом, были «из языка варяжска», однако, по свидетельству летописца, она приняла крещение, и Русская церковь считает ее равной апостолам.

Судьбоносное значение для молодого государства имел выбор веры, и здесь Летописи повествуют о том, как князь Владимир снарядил посольства и отправил их в разные страны для «испытания верь». Очень важно, что в виде решающего аргумента звучал аргумент эстетический, «от красоты»: в немецкой земле «видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой», а богослужение в царьградской Софии поразило их именно своей красотой: «...не знали – на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом»; дополнительным же аргументом было то, что бабка Владимира, которая была «мудрейшей из всех людей», приняла «закон греческий» (Повесть временных лет..., 2012: 74). Красота всегда была важным понятием для русского человека, однако она неразрывно связана с благом, добром. Отсюда и удивительные русские иконы, словно открывающие какие-то потусторонние мистические видения, и потрясающие воображение многоглавые северные деревянные храмы, и изящные ставни и наличники русской избы. Неслучайно Достоевский, узнав о пожаре Парижа во время парижской коммуны в 1871 году, писал Н. Н. Страхову, что «эстетическая идея в новом человечестве помутилась» (Достоевский, 1871).

По-своему красив и подвиг святого, который кажется непонятным и даже странным на языке этого мира. Первыми русскими святыми оказываются князья страстотерпцы Борис и Глеб, принявшие смерть от руки брата, но сами отказавшиеся от заговора и злоумышления. Крещение князя Владимира в купели Херсонеса, древнего греческого полиса на территории Крыма, и затем и крещение киевлян в Днепре имело важнейшее значение для последующего цивилизационного развития. Христианская церковь до разделения на восточную (православную) и западную (католическую) была еще формально единой, однако различие в обряде, а также,

вероятно, и весомые политические аргументы привели Владимира к принятию греческого обряда. Русь не дистанцировалась от Европы, спаянной к тому времени влиянием христианства, но приняла восточную его версию, более созерцательную, мистическую и аскетическую, чем тесно сплетенную с римскими политическими традициями западную версию.

Русь приняла христианство не на греческом, не на латинском, а на родном языке. Справедливо отмечается роль Кирилла и Мефодия, «учителей словенских», создавших церковно-славянский алфавит и письменность, по образцу греческого. Однако нельзя создать язык; славянские братья адаптировали письменность к уже существовавшему языку, на котором говорили тогда славянские племена. Сетования некоторых даже весьма ученых философов, что, дескать, мы были бы ближе к Европе, если бы приняли веру вместе с языком, наивны и безосновательны. Тогда мы бы утратили, стерли с лица земли ту своеобычность культуры, которая уже к моменту принятия Крещения в 988 году существовала. Князь Владимир приказал высечь и утопить в Днепре идола, языческие божества, однако сохраняющиеся на протяжении веков в народе обычаи, так называемое «двоеверие», не является ли косвенным свидетельством того, что новая вера пришла отнюдь не в пустыню. Одним из таких обычаев является почитание матери-земли, которая в народном сознании соединяется с христианским культом Богородицы. До земли кланяются, у земли просят прощение – как Раскольников в знаменитом романе Достоевского (Достоевский, 1989), – землей клянутся, землю уносят с собою в ладанках на чужбину. Русский человек всегда боялся того, чтобы умереть без покаяния и в земле чужой; с родной землей связывал он все свои чаяния и надежды. Этот образ в суровые дни Отечественной войны соединяется с именем Родины и вырастает в исполинский образ «Родины-матери», которая под угрозой и требует твоей защиты.

Выполнив функцию защиты Европы от разрушительных орд монголов, Русь сама стала предметом агрессии Запада: мы помним сражение святого князя Александра Невского с ливонскими псами-рыцарями на Чудском озере в 1242 году. Ливонская война, изнурительная и кровопролитная, возникнет в XVI веке, когда Иван Грозный будет упорно добиваться выхода России к Балтике. Древнерусская история не была патриархальной идиллией. Наряду с учеными и богословскими книгами, проникавшими на Русь, сообщавшими начала знания по философии, логике, физике, космографии, астрономии, проникали и еретические идеи, подобные тем, которые существовали на Западе, подвергавшие сомнению авторитет церковной и гражданской власти, а также обряды и каноны православной веры.

Тем не менее уже более 1000 лет назад начали устанавливаться контакты с православными монастырями греческой горы Афон и острова Кипр: в 2016 году отмечалось 1000-летие русской духовной миссии на Святой Горе. Книги ученых монахов, а иногда и переводы греческих философов и комментарии к ним, приходили оттуда к нам как непосредственно, так и через Болгарию. Не только в Киеве, но и в Новгороде, Пскове, Владимире, Переславле образуются центры монашеской учености и духовного

просвещения. Этот период Руси иногда называют «невегласием» (Шпет, 2008), или молчанием. Но это «умное молчание», как называли свою традицию исихасты во главе с Григорием Паламой, которые учили созерцать нетварный Фаворский свет. В этой «молчащей» Руси создается иконопись Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия, рождаются такие литературные памятники и шедевры, как «Моление» Даниила Заточника и «Слово о полку Игореве», возникает отрок Варфоломей, в ранней юности покинувший свой отчий дом в небольшом Радонежском княжестве и ставший игуменом Сергием, чью роль в духовном сплочении русских княжеств перед лицом монгольского ига отмечал В. О. Ключевский. Именно он благословил иноков Пересвета и Ослябю на ратный подвиг на поле Куликовом. Об этом духовном просвещении, сопоставляя его с западной схоластикой (философией духовных школ), писал в середине XIX века славянофил Иван Киреевский: «...это просвещение не блестящее, но глубокое; не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное» (Киреевский, 1979).

Признаком цивилизационной инаковости России, ее отличия от Запада, был для Руси исход Ферраро-Флорентийского собора, на котором была подписана Флорентийская уния. В соборе, который проходил в 1439 году, участвовал киевский и всея Руси митрополит Исидор, который охотно подписал унию, документ, означающий объединение церквей вокруг Рима и Римского Папы. Но когда Исидор, ставший католическим кардиналом, прибыл в Москву и отслужил литургию в Кремле, упомянув Папу Римского, он был арестован, бежал в Литву, а потом в Рим, и продолжал свое кардинальское служение уже в лоне Католической церкви. Неприятие западного обряда было связано не столько с догматическими положениями западной церкви, сколько с отличиями богослужения (причастие пресным хлебом, а не дрожжевым, использование белого вина, а не красного, и прочее). Но именно из таких вещей и складываются маркеры, которые позволяют отличать свое от чужого.

В Новгороде, в Грановитой палате архиерейских покоев при митрополите Евфимии сразу после подписания Флорентийской унии создается икона Новгородской Софии: на престоле восседает крылатый ангел с женским лицом, а вокруг него стоят Мария, Иоанн Креститель, а в нимбе над ним – Христос. Это – символ Церкви как соборного начала: Церковью правит не Папа, но сам Иисус Христос, а все верующие объединены в ней, как в едином организме. В конце XV или в первой половине XVI века возникает в Новгороде «Повесть о Белом клобуке», где символ церковной власти, подаренный императором Константином папе Сильвестру из Рима, перекочевывает с приключениями через Константинополь в Новгород, а Русь называется Третьим Римом. Латинская церковь и ее глава видятся автору послания скверными, по причине того, что они впали в ересь. Вот как описывает неизвестный автор римского епископа:

Папа же, их прочтя и узнав, что патриарх содержит белый клобок в великой чести и хочет его послать в Русскую землю в Великий Новгород, заревел от боли, и изменился в лице, и в болезнь впал: настолько поганый тот папа Русской земли не любил из-за веры ее православной, что и слышать о ней не мог. И рассыпалась вся его плоть,

и сели на грудь его две болячки с обеих сторон, и от них разошлись другие болячки по всему его телу с ног до головы. И смрад великий исходил от него, и черви многие зарождались в теле его, и спина его вдвое согнулась. Многие врачи приходили, но не могли его исцелить. С вытаращенными глазами беспрестанно он кричал громким голосом, и нелепицы говорил, и выл, будто по-волчьи пес, и исходящие из тела его нечистоты руками своими хватал и, в рот свой впихнув, поедал. И так он делал многие дни, жестоко страдая, и страх объял всех вокруг. Некто из бывших тут, у его одра, взяв полотенце, хотел отереть ему рот, так тот словно пес ухватил зубами своими полотенце и воткнул себе в горло, и тотчас распухло тело его, и весь он лопнул – потому что был телесами толст, поганый. Так он окончил, окаянный, свою жизнь (Повесть о новгородском белом клобуке, 1985).

Русская земля называется в этом послании Третьим Римом: первый Рим отпал от христианства «по гордости и своевольству», во втором Риме, захваченном мусульманами, христианская вера также падет. Эта теория «трех Римов» развивается и в посланиях псковского монаха Филофея дьяку Мисюрю Мунехину, а затем Ивану Грозному. «Пали два Рима, третий стоит, а четвертому не быть». В этой риторике нет претензии на национальную исключительность. Рим ассоциировался с империей, когда она стала христианской, ее стали воспринимать как власть, удерживающую мир от прихода Антихриста, от наступления конца. В истории, как и в сказке, есть три попытки. Именно третьему сыну, Ивану, пролежавшему тридцать лет на печи, достается Василиса Прекрасная. Так и здесь: Московское царство сознает, что после падения Константинополя и крушения Византийской империи именно ему достается удел хранения истинной веры.

Если для XVI века, где оборвалась династия Рюриковичей, характерна идеологема «Москва – Третий Рим», сопутствующая завершению оформления Московского царства и объединению вокруг Москвы русских земель, то в последующий век патриарх Никон строит под Москвой копию храма Гроба Господня в Иерусалиме – Новый Иерусалим, что дает нам иную модель цивилизационной самоидентификации. Русь в сознании патриарха – это новая Святая Земля, ведь даже ручейки и деревни переименовываются, получают названия тех мест Палестины, где пребывал Христос. А если перенестись в начало XVIII века, то мы увидим, что Петр I, который сам повелит назвать себя Великим, создаст на месте шведской крепости Ниеншанц град, который будет наречен именем апостола Петра, – то есть в некотором роде четвертый Рим. А Екатерина II, которая будет соревноваться с Петром в величии и масштабе своих деяний, будет пытаться основать под Петербургом новый город София, в котором планировалось построить храм, своим величием не уступающий главному храму православного Востока – Софии Константинопольской, отданной под мечеть после турецкого завоевания. В этих проектах мы видим поиски цивилизационной идентичности России в соотношении с великими центрами мировой цивилизации Запада и христианского Востока.

Вместе с тем назревает потребность в том, чтобы не быть отринутыми на обочину истории, быть на уровне просвещения века своего, ведь это было важно и для безопасности страны, для решения задач обороны и укрепления России, и Россия обращается на Запад. Именно он становится

для России, по словам Хомякова, «страной святых чудес», причем далеко не всегда эти чудеса святые: наступает время географических открытий, путешествий Колумба, смены птолемеевской картины мира на ньютоновско-галилеевскую, эпоха научных открытий Нового времени. И оставаться в стороне от этих процессов Россия не могла. Цивилизационному характеру России не присущ изоляционизм, русский человек одарен, любопытен и пытлив. Еще Борис Годунов отправил в Европу в 1602 году 18 дворянских детей для обучения наукам в Англию, Германию и Францию. Но после смерти Бориса наступила смута, про студентов просто забыли; когда же вспомнили, то вернуть их назад не удалось. Один из них перешел в англиканство и стал викарием.

Еще в предшествующий Петру XVII век происходит то, что исследователь русской мысли Георгий Флоровский назвал «пленение Западом» (Флоровский, 1937). В Москве, в Андреевском монастыре, возникает школа боярина Ртищева; в Москву приезжает из Киева Симеон Полоцкий, поэт и ученый, составивший первый проект Духовной академии. По его поэтическим переложениям Псалтыри будет учиться Ломоносов. А в 1687 году в Заиконоспасском монастыре открывается Славяно-греко-латинская академия, первое высшее учебное заведение в России, в нее поступит и ее окончит Ломоносов. Предметами споров являются часто не труднопостижимые для большинства основания наук, но вопросы богослужебного свойства, например, «хлебопоклонная ересь», которая является католическим взглядом на время совершения таинства Евхаристии, то есть преложения хлеба и вина в плоть и кровь Христа во время таинств. Споры «латинской» (киевской), в значительной степени подверженной влиянию католичества, и «греческой» партий не всегда оканчиваются безобидно. Так, ученик Полоцкого Сильвестр Медведев был казнен в 1691 году отсечением головы; правда, кроме богословской ереси тут сыграли свою роль его участие в стрельцком бунте и поддержка опальной царицы Софьи. В 1689 году в срубе на Красной площади сжигают вместе с его трудами Квирина Кульмана, немецкого поэта и пиетиста (протестанта), проповедника мистического учения Якова Беме, приехавшего в Москву, чтобы в Немецкой слободе среди своих проповедовать его учение. Справедливо-сти ради надо сказать, что донесли на него свои же. В этой же Немецкой слободе в Лефортове (от имени врача Лефорта) будет любить пировать и Петр I до своего отбытия в город на Неве.

Следующая партия студентов отправилась в Европу уже при Петре I, в 1697 году, а вскоре и сам Петр во главе Великого посольства отправился в Европу, в Голландию, под именем Петра Михайлова обучаться различным ремеслам, прежде всего корабельному делу. Это был невероятный случай, когда подмастерьем становился царствующий монарх. В 1705 году в Амстердаме по указу Петра была издана книга «*Simbola et Emblemata*», где было 840 гравюр с надписями на 9 языках, включая церковнославянский. Изображения оттуда использовались в геральдике, а девизы – для строящегося флота. Славянофилы не любили Петра за то, что он круто повернул руль своего корабля в Европу, якобы изменил традиционно-патриархальный уклад России. Но в этом и специфика нашей цивилиза-

ции, что после спокойного и относительно застойного периода происходит мощный цивилизационный импульс, подобный извержению вулкана или мощному пульсару. Такими были петровские реформы. Петр переписывается с немецким философом Готфридом Лейбницем, обсуждает с ним план основания Академии наук, которая будет открыта в 1724 году. При ней учреждается академический университет. В Академию приглашают известного марбургского философа Христиана Вольфа, однако он отказывается приехать сам, но присылает братьев Н. и Д. Бернулли, Г. Бильфингера.

Мы помним строчки А. С. Пушкина в его поэме «Медный всадник» (Пушкин, 1959):

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Петр I – один из ключевых и спорных правителей России, однако споры касаются методов, которыми Петр проводил свои реформы. То, что необходимость этих реформ назрела, и Россия после Петра вступила в новую эпоху, стала Империей, это очевидный факт. Однако памятен и другой пушкинский вопрос:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

На него нам еще предстоит ответить!

Ломоносов, пришедший в Москву из Архангельской губернии с рыбным обозом в возрасте 20 лет для учебы, был одним из тех студентов, кто после окончания Академии, учебы в Москве, Киеве и Петербурге, во всех тех немногочисленных центрах, где можно было получить высокое образование, отправился в Германию, в Марбург, а затем в Амстердам. Он успел жениться на немке лютеранского вероисповедания и даже попасть в рекруты. Его путь к знанию чем-то поразительно напоминает Петра, хотя в отличие от Петра он был простолюдином. Но это дитя петровской эпохи. Он реформирует русское стихосложение, изъясняясь стихами о пользе стекла и строя стекольный завод, переписывается с Л. Эйлером о сохранении материи и вещества, размышляет о тяжести тел, задумывается о природе северного сияния, открывает атмосферу у Венеры, закладывает научные основы мореплавания, придумывает технологию изготовления смальты для мозаики, сочиняет пособие по красноречию, размышляет о размножении народа российского, ссорится с Синодом, призывая особо не ругать наук в церковных проповедях... Наконец, он создает проект «первого университета Российского», Московского университета, который учреждается императрицей Елизаветой Петровной в 1755 году. Известны слова Ломоносова о русском языке: «Я не могу довольно о том наравдаться, что российский наш язык бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает...» (Ломоносов, 1952). Ломоносов отмечал, что наш язык сочетает в себе «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того

богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

XVIII век называют в Европе веком Просвещения; был он таковым и в России, может быть, с несколько менее выраженным антиклерикальным, то есть антицерковным, пафосом. Это век формирования светской культуры, век философов, ведь даже Екатерина стремится быть «философом на троне», и составляет «Наказ», используя идеи французского философа Монтескье и итальянского правоведа Беккариа, на шесть месяцев приглашает погостить в Петербург антиклерикала и редактора Энциклопедии наук, искусств и ремесел Дени Дидро, покровительствует наукам и до поры до времени жалует масонов-розенкрейцеров, покуда не узнает о взятии Бастилии. Дворянин-философ, размышляющий в своей усадьбе обо всем, коллекционер книг, картин, пишущий какой-нибудь длиннющий трактат, – этот образ будет настолько укоренен в русской культуре, что отзовется век спустя в гончаровском Обломове. Вольтер с его скептицизмом и кощунственными издевательствами над церковью становится кумиром русского дворянства, устраиваются настоящие паломничества к дивану, на котором он умер в Ферней (даже в эрмитажном собрании Екатерины был подробный макет его имения), а французский язык в образованной дворянской среде, по сути, вытесняет собою родной, русский, угрожая его забвению. Такая позиция выражена устами Смердякова, одного из героев, а вернее антигероев, романа Достоевского «Братья Карамазовы»: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого..., и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». Вспоминаются и другие слова этого персонажа: «Я всю Россию ненавижу, Мария Кондратьевна» (Достоевский, 1991). В народе такую «философию» называют очень просто: «Иудин грех».

Однако история пошла по другому пути, и в 1812 году масонский император Наполеон, самовластно водрузивший на себя царскую корону в Соборе Парижской Богородицы, несмотря на превосходство в силе, бежал с остатками своего воинства из России по русскому снегу, а русские после кровопролитного штурма вступили в Париж, и император Александр I в 1814 году принимал ключи от сдавшейся французской столицы. Это был первый показательный урок одной из самых развитых европейских стран, которая решила представить себя имеющей право на господство на своем континенте. Теперь наряду с западными влияниями в России появились и русские на Западе. К таким можно отнести слово «быстро», которое, согласно одной из версий, вошло в оборот благодаря русскому слову «быстро», которым русские казаки требовали быстрого обслуживания во французских ресторациях и кабаках. Среди тех, кто побывал в Париже, был молодой поручик Петр Чаадаев, друг Пушкина и прототип Евгения Онегина («второй Чаадаев, мой Евгений...»). В своих «Философических письмах», написанных по-французски в 1829–1831 годах и адресованных одной даме, Чаадаев выражал сомнение в правильности исторического пути России: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира

не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили», – писал Чаадаев (Чаадаев, 1991). Пушкин боготворил старшего товарища, однако получив от своего друга сначала письменный текст, а затем и опубликованный в 1836 году в журнале «Телескоп» русский перевод первого письма, не медлил вступить с ним в спор:

Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и беспечной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полужабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? (Пушкин, 1979)

Чаадаев по выходе его письма в печати будет объявлен сумасшедшим и на год помещен под домашний арест. Его письмо становится символом и манифестом русского западничества. Правда, Запад, о котором Чаадаев грезит, – это не современный ему Запад революций и безбожия, а скорее средневековый Запад, своего рода ретроспективная религиозная утопия, навеянная французскими традиционалистами, сторонниками реставрации монархии. Но это не помешает Герцену републиковать письмо в первом номере выходящей в Лондоне в 1855 году «Полярной звезды», украшенной портретами пяти казненных декабристов. Сам же Чаадаев напишет «Апологию сумасшедшего», в которой будет утверждать, что его не так поняли, и что он видит большое будущее у России, которая избавлена от ряда недостатков западного развития.

В конце тридцатых годов XIX века в обществе намечается оппозиция западников и славянофилов. Так назывались две общественные группы, или «партии» (не путать с политическими партиями), которые до ожесточения спорили друг с другом о будущем России. И те и другие были за реформы, Герцен даже назвал их «двуликим Янусом», римским богом, у которого было два лица, обращенных в разные стороны. Но если славянофилы считали, что необходимо опираться на «предание», на сокровища православной веры, восточного христианства, которые плохо известны широким массам даже в православной стране, где образованный слой увлекся чтением французских романов и произведений Вольтера, что в политическом отношении нужно сделать ставку на патриархальность, на монархию как своего рода форму общественного договора, вернуться в определенных аспектах к допетровским установлениям общественного быта, то западники ратовали за модернизацию по европейскому образцу, ограничение или вовсе упразднение монархии, введение парламента и других демократических институтов, отделение церкви от государства, за ускорение процессов секуляризации.

Славянофилы не были противниками Европы и Запада. В программном стихотворении «Мечта» (1835) А. С. Хомяков начинает со строк:

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес...
(Хомяков, 2010)

Поначалу речь идет о современном Западе, пораженном бациллой революционного человекоубийства и человеконенавистничества. Но ища причины этого, славянофилы обращаются к духовной истории Запада и видят причины глубже. В истории Запада разрывы происходили на глубинном уровне – сначала это расхождение разума и веры, а затем и саму веру одолевает рационализм, католицизм вводит новые догматы, выводя их с помощью логического мышления, которому научил Аристотель, протестантизм вытесняет таинства, превращая христианство в профессорскую религию. В основе характера культуры лежит характер господствующей веры. «Каждый народ, – писал Хомяков, – представляет такое же живое лицо, как и каждый человек, и... внутренняя его жизнь есть не что иное, как развитие какого-нибудь нравственного или умственного начала, осуществляемого обществом, такого начала, которое определяет судьбу государств, возвышая и укрепляя их присущую в нем истиную или убивая присущую в нем ложью» (Хомяков, 1900).

Главный посыл славянофилов заключается в том, что современный человек утратил свою цельность духа, живет по преимуществу рассудком, выдавая его за высшую способность человека, забывает о таких качествах человека, как совесть, вера, любовь, воля. Славянофилы призывают русского человека к подвижничеству, полагая, что главный подвиг заключается «в терпении, любви и мольбе». В славянофильстве, несмотря на его национальный характер, сильно влияние европейского романтизма: учения Гегеля о «мировом духе», который воплощается в различных атрибутах вплоть до «птицы-тройки» и «бороды»; учения Фихте о том, что принадлежность к нации определяется не кровью и почвой, но факторами культуры – языком, религией, философией; учения Шеллинга о душе мира и о значимости мифа и откровения для высших форм человеческой мысли. Хомяков справедливо отмечал, что время ученичества у Запада научило нас также мало ценить самих себя. Мы только тогда обращаем внимание на наши достижения, когда о них написал какой-нибудь человек на Западе. Это вовсе не смирение, которое считается у христиан добродетелью, но самоуничижение.

К слову о путешественниках – они тоже бывали разными. Печально известны записки маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». После нескольких скандалов в Европе, обнаруживших его нетрадиционные сексуальные наклонности, он приехал в Россию, испытывая неподдельную симпатию к государю Николаю I и желая подкрепить свои антиреспубликанские, монархические воззрения. Вернувшись на Запад, он решил прославиться и опубликовал свои записки, в которых Россия предстала страной «варваров» и «рабов». Не секрет, что книга имела финансовый успех, а русские западники ее читали с похвалой. Однако не

все путешественники были столь нелюбимы по отношению к России. Трехтомные восторженные мемуары о своем путешествии по России в 1858–1859 годах оставил знаменитый романист Александр Дюма; помимо Москвы и Петербурга он посетил Нижегородскую ярмарку, Казань, Дербент, Кизляр, Баку, Тифлис. В 1867 году в Россию для того, чтобы наладить отношения между Англиканской и Православной церковью, со специальной миссией приезжает математик Чарльз Доджсон, который более известен своим псевдонимом Льюис Кэрролл и историей про девочку Алису. В 1871–1882 годах четыре путешествия по России совершает французский историк Анатолий Леруа-Болье, автор трехтомного исследования «Империя царей и русские»; он встречается с выдающимися людьми, писателями, учеными, философами. И это лишь несколько имен тех европейцев, кто, приехав в Россию в XIX веке, оставил в ней свое сердце.

Русское западничество – явление очень широкое, потому что западниками были и русские либералы, и сторонники прогресса (который мыслился как адаптация западных ценностей и достижений – как в сферах политической и научно-технической, так и в образе мышления), и социалисты (с упоением читавшие труды европейских утопистов – Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Р. Оуэна), и разного рода радикалы и бомбисты, наподобие участников «Земли и воли» и «Черного передела». В тридцатые годы XIX века возникают кружки, в которых происходит активное чтение и обсуждение западной литературы – сначала философской, а затем и социальной. Питомцы этих кружков – А. И. Герцен, Н. М. Огарев, М. А. Бакунин – в начале 40-х годов уедут в Европу и вольются в европейское революционное движение. «Страсть к разрушению – творческая страсть» (Бакунин, 1935), – напишет Михаил Бакунин в немецком ежегоднике. Однако и здесь не обойдется без разочарований. Александр Герцен будет разочарован мещанским идеалом санкюлотов и третьего сословия, сражающихся на баррикадах. Им хочется стать такими же сытыми и довольными, как буржуа, речь идет просто о переделе собственности. Здесь «стучишь головой о предел мира заверщенного» (Герцен, 2003), – скажет Герцен в «Былом и думах», разочаровавшись в Европе. В «Письмах из Франции и Италии» он пишет:

Вся Европа... будет втянута в общий разгром, пределы стран изменятся, народы соединятся другими группами, национальности будут сломлены и оскорблены. Города, взятые приступом, ограбленные, обеднеют, образование падет, фабрики остановятся, в деревнях будет пусто, земля останется без рук, усталые заморенные народы покоятся всему, военный деспотизм заменит всякую законность и всякое управление (Герцен, 1955).

Из своего европейского далека он бросает взгляд на крестьянскую общину и в ней видит зародыш будущего социального устройства, совпадая, по сути, в этом со славянофилами.

Увлечение западными социалистическими идеями стоит многим весьма талантливым и образованным людям свободы и даже жизни. Автор романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевский около 20 лет проводит на каторге и в ссылке, вернувшись с которой успевает перевести 12 томов «Всеобщей истории» Г. Вебера. Ф. М. Достоевский, арестованный за участие в соци-

алистическом кружке «петрашевцев» и распространение крамольного письма Белинского к Гоголю, приговаривается к смертной казни, которая заменяется восьмилетней каторгой и ссылкой в Омск. Читая Евангелие и общаясь на каторге с простым народом, Достоевский переживает внутренний переворот, и возвращается в столицу «почвенником», человеком убежденным, что, не отменяя и не забывая реформ Петра и всего того, что они дали России, следует обратиться к своему народу, его вере и его правде, причем не только в крестьянской, но и в городской народной жизни. Опыт такого обращения становится все его творчество, его романы, которые стали вкладом не только в российскую, но и мировую культурную сокровищницу. Принципиально отказываясь от написания философского трактата, Достоевский сделался одним из главных мировых философов – благодаря тем открытиям, которые он сделал в человеческой природе. После Достоевского невозможно говорить об одностороннем влиянии Запада на Россию. Россия теперь влияет на Запад, помогая открыть в человеке, в его существовании, то, что свойственно людям поверх их национальностей и религиозных убеждений.

«Пушкинская речь», сказанная Достоевским по случаю открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году, стала его идейным завещанием. Отмечая, что Пушкин начинал свой творческий путь с увлечения западным романтизмом, подражаний Байрону и Шелли, а затем перешел в своем творчестве к «русскому» периоду, когда им были созданы замечательные сказки и поэма «Руслан и Людмила», Достоевский обращает внимание на то, что зрелый период Пушкина характеризуется «всемирной отзывчивостью», умением «перевоплощать свой дух в дух чужих народов». В этом Достоевский видит поистине пророческое звучание лиры поэта. Он спрашивает: «что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» (Достоевский, 1984). Несмотря на то что речь Достоевского стала его триумфом (после нее ему оставалось жить около полугода), не все были согласны с ним, увидев в его позиции отказ от русскости и патриотизма. Однако Достоевский был прав, русские не ограничиваются только своим довольством и сытостью, они ищут всемирную правду. Только в русском языке слова «правда» и «истина» отличаются. «Правда» – это истина в действии, это справедливость, поправление которой всегда больно ранит русского человека. Поэтому современник Достоевского Николай Михайловский говорил о том, что правда двуедина, она включает в себя «правду-истину» и «правду-справедливость».

Крымская война, начавшаяся в 1853 году из-за святынь Ближнего Востока (храм Рождества Христова в Вифлееме), снова поставила Россию в ситуацию прямого военного столкновения с Европой в лице Великобритании, Франции и их союзника – Турции. Боевые действия шли в Крыму, на Кавказе, но и в Балтийском, Белом и Баренцевом морях. Так, английский крейсер обстрелял Соловецкий монастырь, не имевший никакого военного значения, и монахи до сих пор показывают следы от английских ядер. Крушение двух империй – Османской и Австро-Венгерской – существенно меняли политическую конфигурацию Европы, Россия активно вступа-

лась за независимость славянских народов, прежде всего, сербов и болгар. Русские солдаты, отдавшие свои жизни под Шипкой и Плевной, в боях за свободу болгарского народа от османского ига, навсегда кровью сплотили славянское братство. А несколько позже поддержка братского народа Сербии была главной причиной вступления России в Первую мировую войну. Разрозненная и враждующая внутри себя Европа не может оказать поддержку славянам. Поэтому в русской мысли возникает идея, что в истории должен возникнуть новый цивилизационный эон, славянский.

Наряду с идеей линейного прогресса, возникает идея о том, что история представляет собой смену (или одновременное существование) самобытных культурно-исторических типов, проходящих этапы, подобные развитию человеческого организма – становление, взросление, зрелость, старость и умирание. Биолог Н. Я. Данилевский пишет книгу «Россия и Европа» (1871), в которой «германо-романский», или европейский культурно-исторический тип, является одним из десяти выделенных Данилевским, а на смену ему грядет «славянский», где освобожденные славянские народы должны объединиться вокруг России. Данилевский замечает, что культурно-исторический тип сочетает в себе разные планы развития – политический, экономический, культурный и религиозный, и каждая цивилизация привносит в мировую культуру что-то свое, хотя бы в одном из этих планов. Он надеется, что новый тип будет «четырёхосновным» (Данилевский, 1995).

Книга Данилевского становится манифестом позднего славянофильства. Данилевский считал, что каждая цивилизация должна выстраивать свою улицу, а не топтаться на общей площади. Сама его теория не чужда духу западной мысли, ведь через 50 лет после книги Данилевского немец Освальд Шпенглер предложит похожую теорию в книге «Закат Европы» (1919). Можно было бы подумать, что Данилевский предвосхищает события, смотрит на историю со своей национальной позиции, однако примеров внутренней критики Запада в самой западной культуре мы найдем немало. Европа будет смотреть на Восток, пытаясь там увидеть разрешение своих внутренних конфликтов и противоречий. Одним из таких примеров является книга Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока». Следует отметить, что именно Запад являлся родиной самых человекоубийственных теорий и стратегий – расизма, нацизма, фашизма, да и коммунистический тоталитаризм тоже зародился в западноевропейской теории.

Современник Данилевского Константин Леонтьев попытался переориентировать политический вектор от панславизма к византизму. Он считал, что политика не может строиться только на близости этносов и языков, а национализм успешно используется как орудие разрушения. Леонтьев, десять лет проработавший дипломатом в странах Ближнего Востока, не жаловал современный ему Запад, который после эпохи революций вступил, по его мнению, в состояние «вторичного смесительного упрощения», вырождения и деградации. Эти следы он находил во всем, даже в европейской одежде, утратившей национальный колорит. Спасением для России, по Леонтьеву, может быть империя византийского типа,

основанная на православии, самодержавии, народности и эстетике жизни. Леонтьев видел в империи работоспособную модель культурного развития и сохранения самобытности многих народов. Леонтьева зачастую называли пророком, причем не только у нас, но и на Западе. Он предсказал гибель Российской империи под натиском объединившихся стран Запада, но верил в возрождение России, правда, на основании «нового деспотизма» объединяющей идеи (Леонтьев, 1876).

Отличную от Данилевского и Леонтьева идею империи как теократии (боговластия) проповедовал Владимир Соловьев. Философ всеединства, он старался примирить в своей мысли логическую строгость западной мысли и духовные прозрения Востока. Это вылилось в идею соединения церквей, для осуществления которой он приложил немало усилий, устанавливая контакты с представителями католической церкви и не раз путешествуя в Европу. Он думал, что империя возможна как союз русского императора и римского папы, под духовным водительством пророка (Соловьев, 1911). Однако мысли Соловьева, несмотря на то, что они привлекли к себе внимание на Западе и даже легли в основу современного экуменизма, не нашли широкой поддержки среди политиков. Соловьев учредил особый жанр «русской идеи», размышлений о цивилизационном предназначении России. Он говорил, что идея нации заключается не в том, что она думает о себе во времени, но что Бог думает о ней в вечности. Однако, соловьевское понимание «русской идеи» оказалось слишком ограниченным: Россия – не мост между Востоком и Западом, и не примиритель их, и не Восток или Запад в отдельности. Она является цивилизацией, имеющей свое самобытное содержание.

Наиболее важное из написанного Соловьевым – это тревожные апокалиптические предчувствия его последней книги «Три разговора», написанной на пороге XX века (Соловьев, 2011). Век модерна, может быть, приблизил Россию к Западу как никогда. Для русских студентов открылись европейские университеты, стажировка в них стала практически обязательной для готовивших себя к научной работе. Возникали совместные журналы, общества, проекты. Русские литература, поэзия, философия, живопись, архитектура становились известными и модными на Западе. Казалось, что космополитическое единство культур, а за ним и «вечный мир» уже не за горами. Это недолгое время до Первой мировой назовут потом «русским религиозным ренессансом», а некоторые современники эпохи – «третьим славянским ренессансом», третьим после итальянского и германского. Ренессанс – это всегда возрождение чего-то; в русском ренессансе объединялись разные элементы, подобно поздней Александрии, где процветал синкретизм культур. Античность, итальянское возрождение, немецкий романтизм, французский декаданс... И лишь немногие вспоминали о том, что за веером культурных влияний можно потерять свое родное. Россия постепенно оказывалась «Градом Китежем», ушедшим или уходящим под воды озера Светлояр, чтобы не стать добычей врага.

Революции 1917 года – сложный феномен, кардинальным образом изменивший исторические пути России. Сделанные по западным лекалам и с непосредственной помощью западных держав, особенно Германии, с ко-

торой Россия находилась в состоянии войны, она не была чисто западным феноменом. Не случайно после революции активизируется ряд идейных течений – «евразийство», «скифство», «сменовеховство», которые подчеркивают отличие России от Запада, в том числе и за счет присутствия в ней азиатского, степного, туранского элемента. Александр Блок напишет в 1918 году:

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами! (Блок, 1918)

Теоретики социальной революции, прежде всего, Карл Маркс, с презрением относились к России, видели в ней отсталую азиатскую деспотию, где господствует азиатский способ производства, и не верили, что в ней может быть реализовано что-то из схем, продуманных для переразвитого западного капиталистического хозяйства. Поэтому неизбежно вставал вопрос об «особом пути», «социализме, возможном в одной отдельно взятой стране». А кто-то, как Троцкий, лелеял надежду на мировой пролетариат и призывали его к восстанию, стремясь разжечь пожар «перманентной», мировой революции. Большевики не испытывали особого пиетета перед Россией и ее историей, во время войны они желали поражения в ней своему правительству, а придя к власти, твердили о великорусском шовинизме и отрезали русские земли, передавая им другим национальным республикам, последствия чего откликаются кровавыми конфликтами до сих пор. Мысль о том, что у рабочих нет своего отечества, что история России начинается с нуля, с отсчета новой эры, не была достоинством новой большевистской власти. Однако власть смогла победить хаос, взять в свои руки дело народного образования и, постепенно переходя от подавления к созиданию, совершить процесс индустриальной модернизации страны.

Парадоксальным подтверждением самобытности русской цивилизации является послеоктябрьская эмиграция, феномен «Русского зарубежья». Более трех миллионов русских людей покинуло тогда страну в результате революционного потрясения. Кто-то бежал с отступающей белой армией, уплывая в Константинополь, кто-то подвергся административной «высылке вместо расстрела», как пассажиры «философских пароходов» в 1922 году, кто-то временно уехал для работы на Западе и больше в Россию не вернулся. Но важно то, что они не потеряли язык и веру, не слились с культурой стран пребывания, в подавляющем большинстве не изменили своей Родине, не поддержали нацистских агрессоров в 1941 году. Бунин, Рахманинов, Бердяев, Иван Ильин и многие другие создали в изгнании свои замечательные произведения, вернувшиеся в Россию и обогатившие русскую культуру. Соприкосновение с Западом дало им еще сильнее ощутить свою принадлежность к русской культуре.

В истории навсегда останется и наша помощь Франции в боях под Арденнами в годы Первой мировой, куда Россия отправила экспедиционный корпус, не позволивший немцам прорваться к Парижу, и летчики Нормандии-Неман, бок о бок с советскими летчиками боровшиеся с немецким фашизмом, и встреча на Эльбе русских и американских солдат, озна-

чавшая объединение двух фронтов, и поставки гуманитарной помощи по ленд-лизу. Но еще не кончилась война, а американцы провели показательную демонстрацию силы, сбросив атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. Не стоит долго думать, кому эта демонстрация была адресована.

Время «холодной войны» было временем противостояния, но и временем конкуренции двух систем – социалистической и капиталистической. Существование социалистической системы в Европе, возникшей по итогам Второй мировой войны, заставляло руководителей стран Запада задумываться о социальном положении своих граждан, вступая с ней в конкуренцию. Операция по устранению конкурента неразрывно была связана с потребностью уничтожить своего главного оппонента – СССР, развалить его общественный и политический строй, путем кредитного долга перевести образовавшиеся на его территории независимые государства в статус зависимых стран третьего мира. Используя сначала «мягкую силу», учреждая в России различные западные фонды, гражданам России стали рьяно расхваливать преимущества западного образа жизни. Правила рыночной экономики стали неумолимо распространяться на все – на культуру, спорт, семейную жизнь, сексуальные отношения, причем «невидимая рука рынка» (А. Смит) становилась в этих проповедях почти что тождественной руке Господа, протянутой Адаму на фреске Микеланджело.

После падения СССР снова казалось, что между Россией и Западом нет никаких барьеров. До бизвизового режима дело не дошло, но поездку на Запад воспринимали уже как обычное дело, а люди побогаче с удовольствием покупали на Западе недвижимость и отправляли туда учиться своих детей. Философ и социолог Александр Александрович Зиновьев, высланный из СССР в 1970-е годы за критику социализма, более двух десятилетий прожил в Германии и хорошо изучил западный тип общества. Именно ему принадлежит термин «западнизм», в котором слышится другое русское слово – «западня». Проблема Запада не в том, что он Запад, а в том, что он считает свой тип и образ жизни единственно возможным и нормативным для всех и стремится «западнить всех остальных». Вот как Зиновьев описывает этот процесс в своей книге «Запад», опубликованной после возвращения на родину:

Эта тактика западнизации достаточно коварна и лицемерна: дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для него в кратчайшие сроки, если его страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать его пороками западного общества, изображая пороки как проявление подлинной свободы личности (Зиновьев, 1995).

С критикой Запада выступил в эти годы Александр Сергеевич Панарин, видевший в основе западной цивилизации титанический активизм фаустовского типа, породивший технократизм, механицизм, технологиче-

ский империализм, свойственный обществу потребления. Мир становится все более бескачественным и обезличенным, а человек – атомизированным и эгоистичным, брошенным в мир, где у него нет близких и друзей и где он постоянно должен к чему-то приспособливаться. В противовес западному человеку-экстраверту русский человек – интроверт: он больше задумывается о своем внутреннем мире, душе, ему дороги его близкие, он воспринимает свою родину через свою семью, родных, круг общения. Панин выдвигает идею православной цивилизации в современном мире, которую он еще называет «цивилизацией бедных». Она призвана защитить человеческое в человеке – любовь, близость, совесть, взаимопомощь, социальную ответственность перед стариками и детьми – и тем самым вернуть ему образ Божий.

Сегодня Россия переживает трагическое и вместе с тем историческое время. Происходит размежевание с Западом – быть может, наиболее радикальное за всю историю нашей страны. И в странах Запада мы видим то, что получило именование «отмены русской культуры». Очевидно, что это навязанный Западу и управляемый извне процесс. Ведь западному слушателю так же трудно разлюбить музыку Чайковского, как нам – перестать слушать Моцарта и Баха. Не говоря уже о том, что, несмотря на санкции, Россия, богатейшая страна, обладающая несметными природными ресурсами и великолепным человеческим капиталом, тесным образом интегрирована в мировую экономику – а это верная предпосылка того, что диалог с Западом будет продолжен. Да и сам Запад неоднороден: там остаются те, кто ценит нас за нашу богатейшую историю, за наш вклад в мировую культуру, за душевность и отзывчивость русских людей, за умение дружить, наконец. Но нам важно, чтобы этот диалог с Западом мы вели как суверенный субъект и равноправный партнер. Как считает моя французская коллега, профессор университета Бордо III Мариз Денн, Запад все время стремится к новому, примыкает к нему, присваивает и осваивает его, а суть русской культуры в том, что она стремится вернуться к себе, к своему истоку, несмотря на любые влияния.

ЛИТЕРАТУРА

Бакунин М. А. (1935). Собр. соч. и писем. Т. III. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Блок А. А. (1918). Двенадцать. Скифы. СПб.

Герцен А. И. (1955). Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 5. Письма из Франции и Италии. 1847–1852. М.: Издательство АН СССР.

Герцен А. И. (2003). Былое и думы. М.: Захаров.

Данилевский Н. Я. (1995). Россия и Европа: взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глаголь.

Достоевский Ф. М. (1871). Письмо Н. Н. Страхову, 18 (30) мая 1871. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-strahovu-18-30-maya-1871.htm> (дата обращения: 28.11.2024).

Достоевский Ф. М. (1984). Пушкинская речь // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. Т. 26. Л.: Наука. С. 129–149.

- Достоевский Ф. М.* (1989). Преступление и наказание // *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Л.: Наука.
- Достоевский Ф. М.* (1991). Братья Карамазовы // *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9–10. Л.: Наука.
- Зиновьев А. А.* (1995). Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф.
- Киреевский И. В.* (1979). В ответ А. С. Хомякову // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М.: Искусство. С. 143–153.
- Леонтьев К. Н.* (1976). Византизм и славянство. М.: Унив. тип.
- Ломоносов М. В.* (1952). Письмо о правилах российского стихотворства // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М., Л.: Изд-во АН СССР. С. 7–18.
- Повесть временных лет: по лаврентьевскому списку 1377 года (2012) / пер. Д. С. Лихачева // Повесть временных лет. СПб.: Вита Нова. С. 5–169.
- Повесть о новгородском белом клобуке (1985) // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М.: Художественная литература. С. 198–233.
- Пушкин А. С.* (1959). Медный всадник // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Пушкин А. С.* (1979). Письмо П. Я. Чаадаеву, 19 октября 1836 // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Письма. Л.: Наука.
- Соловьев В. С.* (1911). Россия и Вселенская церковь. М.: Путь.
- Соловьев В. С.* (2011). Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Великий спор и христианская политика. М.: АСТ.
- Флоровский Г. В.* (1937). Пути русского богословия. Париж.
- Хомяков А. С.* (1900). Мнение русских об иностранцах // *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Унив. тип.
- Хомяков А. С.* (2010). Стихотворения. М.: Директ-Медиа.
- Чаадаев П. Я.* (1991). Философические письма // *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука. С. 320–440.
- Шпет Г. Г.* (2008). Очерк развития русской философии. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия.

Russia and the West

Alexey Kozyrev

PhD. (Philos.), Associate Professor, Acting Dean of the Faculty of Philosophy.

Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Educational and scientific building “Shuvalovsky”, Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation.

E-mail: a.kozyrev@bk.ru

Abstract. The work is a historical review that examines the relations between Russia and the West as civilizational projects from the vocation of the Varangians and the baptism of Russia to the present day. The author identifies the key milestones of Russia’s civilizational choice, emphasizing the role of the religious factor, and analyzes the relationship of Russian culture with the Western Enlightenment. The views of Westerners and Slavophiles on relations between Russia and the West are presented, and the development of this issue in the projects of N. Y. Danilevsky, K. N. Leontiev, V. S. Solovyov is traced. The Soviet period of Russia’s history is estimated. In conclusion, the author cites a critique of the phenomenon of Westernism in the works of A. A. Zinoviev, states the rupture of relations between Russia and the West in our days and expresses hope for the future continuation of the dialogue between Russia and the West, but already as an equal partner and an original civilization.

Keywords: Russia, the West, the history of Russia, Slavophiles, Westerners, the history of Russian thought, civilizational choice

For citation: Kozyrev A. P. (2024). Russia and the West // *Patria*. Vol. 1. No. 4. P. 9–28.

doi: 10.17323/3034-4409-2024-1-4-9-28

REFERENCES

Bakunin M. A. (1935). *Sobr. soch. i pisem. T. III* [Collected Works and Letters. Vol. 3], Moscow: Izd-vo Vsesojuz. o-va politkatorzhan i ssyl’no-poselencev.

Blok A. A. (1918). *Dvenadcat’. Skify* [The Twelve. The Scythians], Saint Petersburg.

Chaadaev P. Ja. (1991). *Filosoficheskie pis’ma* [Philosophical Letters].

Chaadaev P. Ja. *Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis’ma: v 2 t. T. 1* [The Complete Works and Selected Letters. In 2 vols. Vol. 1], Moscow: Nauka, pp. 320–440.

Danilevskij N. Ja. (1995). *Rossija i Evropa: vzgljad na kul’turno-istoricheskie i politicheskie otnoshenija slavjanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the German-Romanesque], Saint Petersburg: Glagol.

Dostoevskij F. M. (1871). *Pis’mo N. N. Strahovu, 18 (30) maja 1871* [The Letter to N. Strakhov, 18 (30) May 1871]. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-strahovu-18-30-maya-1871.htm> (date of access: 28 November 2024).

Dostoevskij F. M. (1984). *Pushkinskaja rech’* [The Pushkin Speech].

Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 26* [Complete Works. Vol. 26], Leningrad: Nauka, pp. 129–149.

Dostoevskij F. M. (1989). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment].

Dostoevskij F. M. *Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 5*. [Collected Works in 15 vols. Vol. 5], Leningrad: Nauka.

Dostoevskij F. M. (1991). *Brat’ja Karamazovy* [The Karamazov Brothers].

Dostoevskij F. M. *Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 9–10* [Collected Works in 15 vols. Vol. 9–10], Leningrad: Nauka.

Florovskij G. V. (1937). *Puti russkogo bogoslovija* [Ways of Russian Philosophy]. Paris.

Gercen A. I. (1955). *Sobranie sochinenij v tridcati tomah. Tom pjatyj. Pis'ma iz Francii i Italii. 1847–1852* [Collected Works in 30 vols. Vol. 5. Letters from France and Italy. 1847–1852], Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

Gercen A. I. (2003). *Byloe i dumy* [My Past and Thoughts], Moscow: Zaharov.

Homjakov A. S. (1900). Mnenie russkikh ob inostrancah [The Opinion of Russians about Foreigners]. Homjakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 1* [Complete Works. Vol. 1], Moscow: Univ. tip.

Homjakov A. S. (2010). *Stihotvorenija* [Poems], Moscow: Direkt-Media.

Kireevskij I. V. (1979). V otvet A. S. Homjakovu [A Reply to A. S. Khomyakov]. Kireevskij I. V. *Kritika i jestetika* [Critique and Aesthetics], Moscow: Iskusstvo, pp. 143–153.

Leont'ev K. N. (1976). *Vizantizm i slavjanstvo* [Byzantism and Slavism], Moscow: Univ. tip.

Lomonosov M. V. (1952). Pis'mo o pravilah rossijskogo stihotvorstva [A Letter about the Rules of the Russian Poetry]. Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 7. Trudy po filologii 1739–1758 gg.* [The Complete Works. Vol. 7. Works on philology 1739–1758], Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 7–18.

Povest' o novgorodskom belom klobuke [The Legend of the White Cowl] (1985). *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi: Seredina XVI veka* [Monuments of Literature of Ancient Russia: The Middle of the 16th Century], Moscow: Hudozhestvennaja literatura, pp. 198–233.

Povest' vremennyh let: po lavrent'evskomu spisku 1377 goda [Tale of Bygone Years] (2012). *Povest' vremennyh let* [Tale of Bygone Years], Saint Petersburg: Vita Nova, pp. 5–169.

Pushkin A. S. (1959). Mednyj vsadnik [The Bronze Horseman]. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenij: v desjati tomah. Tom tretij* [Collected Works in 10 vols. Vol. 3], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

Pushkin A. S. (1979). Pis'mo P. Ja. Chaadaevu, 19 oktjabrja 1836 [The Letter to P. Chaadaev, 19 October 1836]. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. T. 10. Pis'ma* [Complete Works in 10 vols. Vol. 10. Letters], Leningrad: Nauka.

Shpet G. G. (2008). *Oчерk razvitija russkoj filosofii. T. 1* [An Essay on the Development of Russian Philosophy. Vol. 1], Moscow: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija.

Solov'ev V. S. (1911). *Rossija i Vselenskaja cerkov'* [Russia and Universal Church], Moscow: Put'.

Solov'ev V. S. (2011). *Tri razgovora o vojne, progresse i konce vsemirnoj istorii. Velikij spor i hristianskaja politika* [Three Conversations. The Great Debate and Christian Politics], Moscow: AST.

Zinov'ev A. A. (1995). *Zapad. Fenomen zapadnizma* [The West. The Phenomenon of Westernism], Moscow: Centrpoligraf.